

ФРЕДЕРИК СУЛЬЕ

Мемуары Дьявола

Том 4

Магистраль. Главный тренд

Фредерик Сулье

Мемуары Дьявола. Том четвертый

«ЭКСМО»

1838

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Сулье Ф.

Мемуары Дьявола. Том четвертый / Ф. Сулье — «Эксмо»,
1838 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-256533-5

Четвертый том мистического романа «Мемуары дьявола». Барон осознает, что его желание узнать правду о других обернулось трагедией: на дуэли убит один человек, другая покончила с собой. Он потрясен, но Дьявол лишь смеется над угрызениями совести смертного. Мучимый чувством вины и отказываясь слушать Сатану, Луици внезапно теряет сознание, и Дьявол крадет часть его времени.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-256533-5

© Сулье Ф., 1838
© Эксмо, 1838

Содержание

Глава I	6
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Фредерик Сулье
Мемуары Дьявола
Том четвертый

Frédéric Soulié
LES MÉMOIRES DU DIABLE

© Трынкина Е. В., перевод на русский язык, 2025
© Пахсарьян Н. Т., статья, комментарии, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Глава I

Эжени

Бедное дитя

– Эжени родилась семнадцатого февраля тысяча семьсот девяносто седьмого года, а точнее, двадцатого февраля тысяча семьсот девяносто седьмого года. Некогого младенца женского пола зарегистрировали в мэрии десятого округа города Парижа под именем Эжени Турникель, как дочь Жанны Турникель, в девичестве Риго, и ее мужа Жерома Турникеля, а датой рождения вышеупомянутого ребенка было названо семнадцатое число того же месяца.

– К чему такие оговорки? – прервал Дьявола Луицци. – Разве это не соответствовало действительности?

– Я этого не говорил.

– Может, девочка совсем не та, за кого ее выдали?

– Этого я тем более не говорил. Я рассказал только о самом факте и утверждаю, что уже знакомая тебе госпожа Пейроль, чью историю жизни я собираюсь поведать, и есть та самая девчушка, что была представлена в мэрию десятого округа двадцатого февраля тысяча семьсот девяносто седьмого года.

– Ну ладно, давай дальше, – недовольно скривился Луицци, – а то, судя по тому, как ты начал, закончишь ты никак не раньше завтрашнего вечера.

– А ты поменьше меня прерывай, – посоветовал Дьявол и продолжил: – У тебя, мой господин, нет никакого представления о том, как живет простой народ; Впрочем, сейчас мало кто помнит, как жили парижане в то время¹. Сегодня даже самые бедные люди не занимают подолгу одну и ту же квартиру и меняют жилье так же просто, как одежду². И как во Франции разрушено то, что понималось под провинциальностью, так из Парижа исчез дух общежития. А в ту славную эпоху, с которой я начал свой рассказ, общие интересы и образ жизни обитателей отдельного квартала заставляли говорить их: «Я люблю мой квартал, здесь я родился, здесь я всех знаю, здесь я и умру». Чувство добрососедства, присущее жителям одной улицы, еще крепче связывало квартиросъемщиков одного дома. Дом, в котором жили родители Эжени, находился на улице Сент-Оноре³, в том месте, откуда потом проложили улочку, ведущую к Якобинскому рынку⁴. Первый этаж этого внушительного здания занимал господин Шене с женой, дочерью и сыном, а все верхние этажи были разбиты на маленькие квартирки, из которых господин Жером Турникель снимал самую крохотную. Все, что ты знаешь о госпоже Турникель, не даст тебе ни малейшего представления о ее муже. Двадцатилетний каменщик женился на Жанне Риго, когда ей исполнилось тридцать. С малых лет Жерому, как сироте, пришлось вкалы-

¹ ...как жили парижане в то время. – Ф. Сулье, как и многие другие романисты того времени – от Бальзака до Массона и Рикара, – видит миссию писателя в запечатлении нравов своего века, в стремлении препятствовать забвению того, что было и есть.

² ...меняют жилье так же просто, как одежду. – В самом деле, историки дружно отмечают необычайно возросший ритм, бурную и новую динамику жизни парижан в эпоху Реставрации и Июльской монархии.

³ Сент-Оноре – улица в центре Парижа (в I округе).

⁴ ...улочку, ведущую к Якобинскому рынку. – Как указывает французский комментатор, на месте современной Марше-Сент-Оноре, между улицами Кастильоне и Сен-Рош располагался Якобинский рынок, созданный в 1809 году. Сулье, в отличие от Рикара («Продавец кокосов», 1829), Бальзака («Дом кошки, играющей в мяч», 1830) или Массона («Шлифовальщик Даниэль», 1832), не описывает подробно те места Парижа, которые к его времени уже исчезли.

вать; в восьмилетнем возрасте он уже подносил кирпичи, чтобы заработать свой хлеб. Честность и порядочность, казалось врожденные, ибо он не получил никакого воспитания, неизменно предохраняли его от дурных влечений. Поэтому к двадцати годам он уже выбился из чернорабочих; мастера доверяли ему руководство ответственными участками и ставили его в пример другим рабочим. Твердость Жерома по отношению к себе крайне редко перерастала в суровость по отношению к другим, если только речь не шла о неукоснительном исполнении обязанностей. Он принадлежал к тем славным, простым и искренним натурам, которые страдают сами, когда им приходится ударить другого; возможно, к его доброте примешивалось не то чтобы презрение к собственной профессии – он горячо любил свое дело, а нечто вроде отвращения, испытываемого им от вынужденного общения с грубыми и неотесанными хамами, с которыми можно сладить только ответной грубостью и хамством. Потому-то Жером так надеялся если не сколотить побыстрее состояние, то хотя бы накопить такую сумму, которая позволит ограничить нежелательные контакты. Происходило это стремление вовсе не от гордыни, а от повышенной чувствительности – он не презирал своих товарищей по работе, но они несколько коробили его, подобно тому как нежная утонченная ладошка болит после рукопожатия с мозолистой и крепкой лапищей. В общем, женская половина квартала Сент-Оноре величала юного каменщика не иначе как красавчик Жером. Он и в самом деле был пригож, а его склонность к уединению, грусти и печали придавала его красоте ту изысканность, которую люди его сословия из зависти старались не замечать, но которая находила полное отражение в том, что местные ребятишки называли Жерома не иначе как господин Жером⁵.

В двадцать лет Жером шел по жизни словно бык, согнувшийся над бороздой, он еще не поднимал головы, ибо боялся заглянуть вперед, обнаружить, что прекрасное будущее слишком далеко, и утратить мужество; он еще не любил и не грезил о любви – это был мужчина-младенец, мужчина по характеру, но ребенок в душе. От тяжелой каждодневной пахоты его неожиданно-негаданно оторвала повестка из мэрии: пришел его черед идти в армию. Жером был совершенно подавлен. Он, шаг за шагом удалявшийся от нищенского прозябания, знал лучше кого бы то ни было, что процветание никому быстро не дается. Он не мог также строить каких-либо иллюзий насчет военной карьеры, ибо не умел ни читать, ни писать; к тому же позади у него был немалый и нелегкий путь, на который ему пришлось потратить двенадцать лет, и Жером прекрасно сознавал, что отделяло подмастерья от старшего мастера и что его вынуждают круто свернуть с проторенного пути. Трудолюбие и настойчивость оказались напрасными: теперь он в том же положении, что и какой-нибудь шалопай, всю жизнь праздно шатавшийся по кабакам. И он окажется в одном строю с лодырями и прожигателями жизни? Жером считал это несправедливым. Кроме того, наряду с отважными любителями рискованных приключений, которые умеют изменить свою судьбу и не испытывают страха перед неведомым, быстро и смело отстраивают новую жизнь на обломках старой, есть люди другого сорта, чья сила заключается только в их упорстве и которые чувствуют, что не в состоянии отвоевать то, что отняла у них беда. К ним принадлежал и Жером, а потому призыв в армию вверг его в настоящее отчаяние. В полном соответствии с его характером отчаяние было глубоким, но безмолвным, оно не выливалось в проклятия и причитания, как это бывает у людей поверхностных, просто несколько дней Жером никак не мог успокоиться, снедаемый невеселыми раздумьями. Ни один из его товарищей ни о чем не догадывался, ибо он никому не докладывал о своих проблемах, прекрасно сознавая, что его не поймут. Только одна женщина уловила перемену в обычном меланхолическом состоянии Жерома, перешедшем в неподдельное уныние. Эта женщина, мелкая торговка с улицы Сент-Оноре, жила в одном доме с Жеромом, и звали ее Жанна Риго. Дверь ее квартиры находилась напротив каморки старшего мастера, и по вечерам, когда он возвращался с работы,

⁵ ...называли Жерома не иначе как господин Жером. – По мнению А. Ласкара, в простом народе тоже существовали аристократические натуры, и Эжени явилась той дочерью, которую заслужил «господин» Жером.

они иногда болтали о том о сем. Она рассказывала ему о своих успехах в коммерции, и порой каменщику приходилось одалживать соседке небольшие суммы, выручая ее предприятие от разорения. Частенько Жанна подкармливала Жерома, когда его здоровье, и так-то не очень могучее, подрывалось от чрезмерного рвения на работе. Замечу также, что старуха, которую ты имел счастье здесь видеть, была в то время замечательно миловидной девушкой.

– Знаю, – фыркнул Луицци, – Малыш Пьер, который, похоже, знает ее давненько, говорил мне что-то в том же роде.

– Кучер врет, как сивый мерин, на котором он ездит. Пустозвонство, мой господин, не является привилегией только знатных персон, хотя из всех их пороков этот простой народ перенял последним. Красавица Жанна была мудрой женщиной, хотя и небескорыстной... Впрочем, поверь мне, насколько подлые нравы распространены в мире праздности и безделья, настолько же у них мало шансов проникнуть в жизнь тружеников. Эти люди поднимаются в четыре часа утра, целый день работают, возвращаются поздним вечером, чтобы наконец отдохнуть, и у них нет времени на глупости. Желания быстро пресекаются физической усталостью, и никогда, ни на миг, между работающим Жеромом и энергичной Жанной не возникало того чувственного порыва, что сводит с ума большую часть менее занятых людей. Я не имею в виду любовные грезы – Жером вполне был на них способен, но если они и мелькали в его голове, то обращались они вовсе не к этой открыто радовавшейся жизни, проворной и подвижной толстушке. Тем не менее молодые люди любили друг друга; их связывали нерушимые узы, узы не подвергаемой сомнениям порядочности. Жанна для Жерома была самой добродетельной женщиной из всех, что он знал, а Жером представлялся Жанне самым степенным, честным и аккуратным из всех рабочих, самым достойным хорошей участи.

Если бы грусть Жерома выразилась в словах, Жанна наверняка и не обратила бы на нее особого внимания, но в течение нескольких дней, вместо того чтобы остановиться на минутку у ее комнаты, вместо того чтобы дружески поздороваться с соседями, чьи постоянно распахнутые в длинный коридор двери не позволяли что-либо скрывать друг от друга, Жером без единого слова проходил в свою каморку, не отвечая на приветствия, которыми осыпали его со всех сторон.

Однажды вечером, когда он явился еще более мрачным, чем обычно, Жанна приняла нелегкое решение; подождав, пока соседи улягутся спать, она тихонько постучала в дверь Жерома. Он открыл, крайне удивленный столь позднему гостю, и каково же было его изумление, когда он обнаружил за дверью уже давно спавшую, по его мнению, Жанну! Бедняжка от волнения слишком долго объясняла причину, по которой она побеспокоила доброго соседа, невнятно пролепетала о своих подозрениях, что он потерял заработанные деньги и что она готова одолжить ему все свои небольшие сбережения, лишь бы помочь выбраться из затруднений. В первый раз кто-то выказывал Жерому совершенно бескорыстное внимание, ведь его хозяева беспокоились лишь о качестве работы. Бедный парень растрогался до слез и неожиданно для самого себя открыл славной соседке истинную причину своей печали.

Теперь загрустила и Жанна; несчастье, свалившееся на Жерома, намного превосходило все, что она могла сделать ради его спасения. Они расстались в отчаянии, не представляя, как отразить жестокий удар судьбы. Наутро сначала весь коридор, а затем весь дом и весь квартал знали, почему необычайно мрачен Жером; одни посмеивались, что такой здоровенный бугай боится идти в солдаты, другие жалели, что такой хороший работник вынужден бросать поприще, на котором немало достиг. Жанна, внимательно прислушиваясь к пересудам, не находила в них утешения, но слова одного из соседей навели ее на глубокие размышления.

«Пресвятая Богородица! – воскликнул этот человек. – Есть только два способа уклониться от призыва: быть женатым, но он не женат, или чтобы какая-нибудь девица заявила, что нагуляла от него пузо, и потребовала от разбойника расписаться с ней. Но он ведь у нас такой скромник!»

Сосед еще не договорил, а в голове Жанны уже созрело решение. Вот он, выход из положения! Завтра же она пойдет в мэрию и заявит, что беременна от Жерома! Сказать, будто Жанна понимала все последствия такого признания, будто тщательно взвесила, что она приносит в жертву не что иное, как свою честь и добрую репутацию, – означало бы приписать милой девушке мысли, совершенно ей не свойственные.

Жанна считала, что ей предстоит, во-первых, обмануть власти, а для простого народа власть – естественный враг, обвести которого вокруг пальца не только не зазорно, но и почетно; а во-вторых, объяснить соседям, как ловко ей удалось охмурить олухов из мэрии, причем она ни на мгновение не допускала, что кто-нибудь из ее знакомых усомнится в том, что беременность – лишь остроумная выдумка.

Следующим же утром, от нетерпения встав чуть ли не до рассвета, она отправилась в мэрию и там, перед лицом всего муниципального совета, без малейшего смущения или стыда изложила свое заявление и вернулась домой, сияя от радости, но, приберегая для Жерома счастливую новость, ничего никому не рассказала. Прошло несколько дней, и каменщик получил из мэрии письмо, которое, как обычно, прочитал ему сосед. Можно представить изумление обоих, когда они узнали из письма, что мэр интересуется, признает ли Жером Турникель, что заявление Жанны Риго соответствует действительности, и если да, то готов ли он жениться на соблазненной им девушке. Жером мог сколько угодно клясться всеми богами, что это недоразумение, но не прошло и десяти минут, как все жители этажа уже знали ошеломительную новость; возмущенные соседи предлагали ни больше ни меньше как спустить обоих с лестницы и собирались всем обществом просить домовладельца показать лицемерным распутникам на дверь.

Дело в том, что у многих из этих почтенных людей были дочери, и они опасались, что пример Жанны окажется заразителен. Вечером все двери захлопнулись, и в коридоре воцарилась гробовая тишина. Жанна возвращалась домой в благодушном настроении, перевирая вполголоса популярную песенку, но при виде закрытых, как в нерабочий день, соседских дверей вскрикнула от удивления. Она позвала одних, затем других, но никто ей не ответил; открылась только дверь Жерома, знаком поманившего ее к себе. Не одна пара глаз прилипла к замочным скважинам и дверным глазкам, и, когда Жанна вошла в комнату каменщика, последнее терпение добрых людей лопнуло. Двери потихоньку пооткрывались, вкрадчивый шепоток пробежал по коридору из конца в конец; поход к домовладельцу решили не откладывать. Старый сапожник и вязальщик чулок сняли рабочие халаты, вымыли руки и отправились к нему от имени всех жильцов.

Тем временем Жером расспрашивал Жанну, что же заставило ее совершить столь необычный поступок, и она простодушно все выложила: как она хотела спасти его от призыва, а заодно посмеяться над мэром. Тогда-то Жером рассказал Жанне о неутешительных результатах ее неосторожных действий. Вовсе не отчаяние или печаль, а благородная ярость и неистовое негодование обуяли оскорбленную до глубины души толстушку. Она закричала во весь голос, что повырывает зловредные языки этим сплетникам, выцарапает их слишком любопытные зенки! В тот же момент по коридору прокатился громкий топот множества ног и ясно послышался голос сапожника:

«Да, да, сударь! Вот они, голубочки, воркуют, понимаешь, в своем гнездышке!»

В дверь застучали, и Жером, опасаясь не столько праведного гнева соседей, сколько излишне разъяренной Жанны, встал на пороге, не давая ей вырваться, а соседям – ворваться в комнату. Поднялась буря возмущенных обвинений; мужчины, женщины и даже дети вопили, обращаясь к домовладельцу:

«Жанна там, у него! Она в его комнате!»

«Да, она здесь, – сказал Жером. – Ну и что?»

«А то, – ответил ему домовладелец, – что я не стану больше здесь вас держать! Я не потерплю в своем доме такого безобразия!»

«Она его любовница! Надо же, какая мерзавка! – продолжали кричать соседи. – Разбойник! Он ее обрюхатил! Выгнать его на улицу, если не женится на ней немедленно!»

«Хорошо, – спокойно произнес Жером. – Я женюсь на ней завтра же, и пусть тот, кто посмеет еще хоть раз оскорбить ее, пеняет на себя – он будет иметь дело со мной».

Затем он обернулся к Жанне:

«Идите, Жанна, и не бойтесь ничего; отныне вы – моя жена, и никто вас ни в чем не упрекнет».

Вот так Жером, миловидный юноша с нежной и застенчивой душой, женился на простой и шумной пышке, обедки которой ты имел счастье сегодня видеть. Спустя восемь месяцев после свадьбы, как я уже говорил, некоего младенца принесли в префектуру и зарегистрировали как законную дочь господина и госпожи Турникель. Это бедное, чахлое создание еще долго имело хилый, бледный и крайне болезненный вид. Беззаботная, как бабочка, девочка при каждом удобном случае старалась ускользнуть из-под надзора матери, которая нещадно карала ее за малейшую шалость. По правде говоря, проказница упорно не боялась никаких наказаний, переносила все со стойкостью, еще пуще ярившей и без того крутую нравом женщину, в чьем примитивном разуме никак не укладывалось, откуда столько мужества в таком хрупком тельце; но вот наступал вечер, Жером возвращался с работы, и если он видел дочку в углу, то стоило ему только тихо спросить, посмотрев в ее грустные и прекрасные глаза: «Эжени, ты опять не была умничкой?», как девчушка, обливаясь слезами, смиренно просила прощения у папочки, но не за нехорошее поведение, а лишь за то, что расстроила его.

Жанна не могла без злобы смотреть на безусловную любовь и подчинение ребенка Жерому и бунт против нее самой и вымещала свою безумную ревность в жестокой порке. Дошло до того, что Жерому частенько приходилось вмешиваться, дабы любвеобильная матушка не забила дитя насмерть. Чтобы не давать Жанне лишнего повода к истеричному избиению своего чада, он отдал Эжени в школу, где она добилась замечательных успехов, приятно удививших и обрадовавших ее отца. Но госпожа Турникель ни в грош не ставила неведомое ей самой образование, в котором, по ее мнению, не было никакой нужды. Для нее бледное, тщедушное и дикое существо по-прежнему оставалось лишь невыносимым бременем, и когда кто-нибудь из зажиточных жильцов, случайно повстречавшись с ней на лестнице, вежливо интересовался, как поживает ее маленькая и славная дочурка, она грубо отвечала: «Понятия не имею! И в кого только уродилась этакая скелетина, рахит бы ее побрал!»

Жером, напротив, просто обожал дочку; маленькое существо стало для него единственным утешением и отрадой. Оба – хотя отец ни разу в том не признавался, а девочка скорее всего совершенно безотчетно – молча страдали от вульгарного самодурства жившей с ними бок о бок женщины, щедрой на брань и тумак. Эжени, ребенок, что называется, с причинами, в отсутствие отца оглашала дом криками и громким смехом и заставляла разгневанную мамашу гоняться за ней по всем этажам. Бывало, она находила убежище в квартире маркиза де ля Шене, которого забавляли ее проделки. Это стало значительным обстоятельством в ее жизни, ибо горничные, обнаружив в прихожей Эжени, прячущуюся за спину лакея от бушующей на лестнице госпожи Турникель, хватали ее и принимались шутки ради одевать в самые различные платья, в которых девочка смотрелась просто великолепно – столько необыкновенного изящества было в ее хрупком тельце и ангельски наивном личике. Эжени не просто нравилось наряжаться, она даже полюбила это занятие, но не потому, что полностью отдавала себе отчет, как хороша, а потому, что наряды придавали ей вид настоящей барышни; с усилием и отвращением она натягивала потом свою грубую и скроенную без фантазии одежду.

От рождения девочка тянулась к возвышенному⁶ и изысканному и могла так развлекаться без конца. Однако, как только появлялся отец, она бросала все и бежала к нему. Тщетно соседские девчонки-одногодки звали ее играть; она предпочитала оставаться с отцом, читала ему главы из римской истории, совершенно не понимая, о чем там, собственно, идет речь, но радуясь тому, что отец доволен. А он сажал ребенка себе на колени и, осторожно сжимая ее малюсенькие нежные ножки и тонюсенькие ручки, тихо приговаривал: «О бедная моя малютка! Не бывать тебе женой простого рабочего, какого-нибудь скота... Ты погибнешь, не выдержишь, моя бедная малышка, пропадешь...» Несчастный юноша и сам погибал на глазах; его поэтическая душа не ведала, как передать другому свою боль, и порой он винил себя же в своих страданиях. Иногда с дочкой на руках он уходил на природу, показывал ей любимые пейзажи и вдохновенно приговаривал: «Посмотри, как прекрасно вокруг! Как здесь хорошо дышится! Поспи немножко, дитя мое...» Убаюканная, девочка засыпала на коленях отца, но порой ее будили его сдавленные рыдания. Тогда Эжени с плачем обвивала шею Жерома: «Бедный папа! Бедный папа!» А он вторил ей: «Бедное дитя! Бедное дитя!» Потом они не спеша, как можно медленнее, возвращались домой, и Жером просил Эжени: «Только не говори маме, что мы опять плакали».

Пришлось, однако, Жерому вскоре уступить категорическим настояниям жены приспособить к какому-нибудь делу силенки их никчемного ребенка. Жанна полагала, что девочка уже чересчур ученая, а вот толку от нее никакого. Эжени отдала в учение к портнихе. Здесь она также проявила редкую ловкость и сообразительность; но нескончаемый поток блестящих тканей и элегантных туалетов внушил девочке еще большее отвращение к тем нелепым и грубым нарядам, в которые обряжала ее мать. В полной лишений жизни непростая натура Эжени проявлялась только в исключительной чистоплотности и стремлении к материальному комфорту, а уж духовное богатство было ее неотъемлемой частью. Не думай, однако, барон, что ребенок, с которым так дурно обращалась мать, постоянно бунтовал против нее. Пока девочка была маленькой, она всем своим существом инстинктивно сопротивлялась чересчур явному самодурству матери, но как только ее юный разум смог воспринять понятие долга, Жером внушил ей, насколько свято материнское звание, какого подчинения и послушания оно требует, и Эжени, доверяя словам отца, безропотно приняла и подчинение, и послушание.

Эжени исполнилось одиннадцать лет, и еще ничто не предвещало, что она превратится вскоре в знакомую тебе высокую и красивую женщину; срок ее обучения подходил к концу, ей очень нравилось работать с тончайшим шелком, муслином, батистом, с вещами нежными, хрупкими и элегантными, как она сама. Но однажды соседская девчонка Тереза, обливаясь слезами, прибежала в мастерскую и прокричала, что ее отца принесли домой всего покалеченного. Эжени пулей помчалась к себе. Войдя в комнату, где они жили, она увидела Жерома, потерявшего сознание и залитого кровью. Жанна вопила и рыдала, соседи бестолково толпились вокруг, но никто не оказывал несчастному необходимой помощи. Без единой слезинки в глазах Эжени, эта девочка, которая так любила поплакать, спросила:

«Что прописал врач?»

«Поблизости никого не нашли...»

«Ну тогда я сама пойду за ним», – твердо сказала Эжени и выскочила на улицу.

И вот она уже стрелой мчится от двери к двери, всюду спрашивая врача, и, если застает медика дома, поднимается, звонит и говорит отрывистым тоном, не допускающим возражений:

«Быстрее, не медлите ни секунды! Мой отец умирает, идите на улицу Сент-Оноре, номер...»

⁶ ...девочка тянулась к возвышенному... – Ф. Сулье считает женскую натуру двойственной и обращает внимание на то, что аристократическое стремление к изысканности и элегантности часто оборачивается пустым кокетством. Однако в данном случае А. Ласкару видится протест против нравов узкого круга, в котором вынуждена пребывать Эжени, протест против нетерпимости к иной модели поведения.

Таким образом она разыскала в округе трех или четырех врачей и вернулась домой, только уверившись, что они придут. Вот так впервые проявился твердый, волевой и порывистый характер этой женщины, определивший всю ее дальнейшую судьбу; судить о нем ты можешь и сам, если вспомнишь, как сегодня вечером она прямо высказала тебе, какие надежды связывает с твоим появлением в поместье Риго и что думает на самом деле.

Эжени вернулась к постели изувеченного, лишь чтобы услышать из уст врачей смертный приговор. Тем не менее консилиум решил попробовать кровопускание. Девочка сама держала таз, в который лилась кровь отца. После этой процедуры Жером ненадолго пришел в себя. Он поискал глазами дочь, обнаружил ее возле постели, протянул руку и с нежностью прошептал:

«Бедное дитя!»

Тут же им овладела предсмертная горячка, и вскоре он отошел в мир иной, до последнего вздоха продолжая повторять:

«Бедное дитя! Бедное дитя!»

Жанна любила своего мужа, как могла, не задумываясь над тем, что он далеко не самый счастливый человек; она была ничем не лучше спутниц других рабочих, считавших себя вполне благополучными. Поэтому, когда раздались роковые слова: «Он умер», на нее навалилось самое неподдельное отчаяние, столь сильное, что соседям пришлось увести ее. Об Эжени, не проронившей ни звука и замершей на коленях подле постели умершего, все позабыли; целую ночь девочка провела рядом с телом покойного отца, и никто даже не побеспокоился, что с ней и как она.

Ты, барон, никогда не видел умирающих. Ты никогда не проводил двенадцать долгих, очень долгих ночных часов у тела близкого тебе человека. Тебе не понять, что значит при меркнувшем свете слабенькой лампы смотреть на лицо, еще несколько часов назад улыбавшееся с любовью во взгляде, на безмолвные холодные губы, совсем недавно произносившие: «Как я люблю тебя, дитя мое!», трогать жаркой рукой ледяную длань, которая еще не так давно гладила тебя по голове, обещая вечную защиту; ты не знаешь, какой силы урок извлекается из таких жутких часов, сколько зрелости придают они разуму и смирения – душе. О! Если бы мне, Сатане, было позволено сделать людей святыми и добрыми, я бы почаще отсылал их посмотреть на умирающих и побеседовать с глазу на глаз со смертью. Конечно, в одиннадцать лет от роду не понять, что такое жизнь, но в любом возрасте можно познать горе, а Эжени горевала, да еще как! «Бедное дитя!» – слова, вырывавшиеся у отца сквозь предсмертные муки словно последнее прощание, непрестанно звучали в ее ушах. Совсем еще малышка, она время от времени вставала на носочки, с кроткой, просительной улыбкой глядела в умиротворенное лицо покойного, надеясь, что грустные слова «Бедное дитя!» прозвучат еще разочек и принесут ей какое-то облегчение; но ответа не было. О! В какое страшное отчаяние повергла ее жуткая необратимость смерти, до которой никак не достучаться, гробовое безмолвие, беззвучно повторявшее: «Все кончено, кончено, кончено!» Через тонкую перегородку, отделявшую ее от смежной комнаты, доносились жалобные рыдания Жанны и суетливые речи соседей, пытавшихся ее как-то утешить; Эжени почувствовала себя всеми брошенной, и ей показалось, что жизнь вторит вслед за смертью: «Все кончено, кончено, кончено!» И тогда она накрыла лицо отца простыней и, встав на колени, обратилась к Богу.

С самого начала потрясенный Арман немо внимал Дьяволу, но тут не удержался и вскрикнул – так торжественно и печально прозвучали последние слова павшего ангела.

Сатана взглянул на Луицци своим хищным горящим взором и продолжил:

– Она обратилась к Всевышнему, хозяин, и в молитве вскоре вновь обрела надежду; ибо Отец Небесный, видишь ли, сохранил надежду в своих руках и дает ее тем, кто просит. Несчастное дитя, она попросила Бога, и Он ниспослал ей каплю той небесной росы, которой я лишен из вечности в вечность, ибо я никогда и ни за чем не обращаюсь к Богу. Нет, нет, ни за что, я слишком горд для этого! Я ни о чем не молю, да простит мне Господь!

Если только в силах человеческих передать испытываемые тогда Сатаной чувства, то казалось, что он вроде бы не боялся богохульства, говоря о помощи, которую Всевышний оказал столь слабому и сирому своему созданию; можно было подумать, что Дьявол ищет способ возвеличить себя, утверждая, что его твердость в бунте происходит не от неумолимой необходимости, продиктованной ему Всемогущим, но от его собственной самодержавной воли Царя зла. И наконец, что он так восславляет неистощимую божественную милость, лишь дабы похвастаться теми бесчисленными преградами, которые он умело возводит на ее пути. Он продолжил:

– Итак, Эжени вошла в комнату смерти еще беспечным и легкомысленным существом, а вышла из нее прозревшим и серьезным человеком. Ей не удалось пропустить ни одного урока учителя по имени Смерть: сначала на ее глазах жизнь покинула тело, а потом на ее глазах тело вынесли из комнаты, и после того, как ее оставили наедине с покойником, она оказалась наедине с пустотой и одиночеством, так как соседи не хотели отпускать Жанну прежде, чем пройдет несколько дней, а Жанна ни разу не справилась о дочери. Когда Эжени осталась одна, совсем одна, ей стало страшно, и, зарыдав, она в первый раз после смерти отца выскочила на улицу. Что ее там ожидало! Глаза, в которых отражалось куда больше любопытства, чем сочувствия; все только шушукались за ее спиной, но никто не подумал заговорить с ней; а детишки, более жестокие или, наоборот, более сердобольные, чем их родители, заявили:

«А правда, бедняжка Эжени, правда, что тебя отправляют в сиротский приют?»

Эти слова, страшно напугав Эжени, напомнили ей об одном обстоятельстве, которому до сих пор она не придавала особого значения. У отца хранилась шкатулка, ключ от которой он всегда носил с собой, и частенько он говаривал дочери: «Смотри, глупышка, здесь внутри есть некий секрет, о котором я когда-нибудь тебе расскажу»⁷. От ужаса она тут же помчалась обратно вверх, чтобы завладеть как можно быстрее этой шкатулкой, словно все, что принадлежало отцу, должно было ее защитить. Она вбежала в комнату, которую только что покинула, но ее мать оказалась уже там, она держала в руках ту самую, уже открытую, шкатулку и смотрела, как горит ее содержимое, пакет с бумагами. Эжени, совершенно интуитивно почувствовав, что ее чего-то лишают, отнимают, возможно, последнюю надежду, набросилась на мать:

– Что ты делаешь! Это мое! Все, что в шкатулке, – мое!

– Ничего твоего здесь нет, мерзавка, – ответила ей Жанна, пребольно оттолкнув. – Куска хлеба – и то нет, не заработала!

– Во-первых, – не убоаясь возразить девочка, – я не ела с тех пор, как папа умер, а во-вторых, ваш хлеб, матушка, я никогда не ела и не буду есть ни за что!

Вот так в первый раз повстречались мать, после смерти мужа, и дочь, после смерти отца...

Минутой позже, первой устав пререкаться, Жанна вышла, ведь нужно было подумать о делах насущных. Несчастье бедных людей еще и в том, что у них нет возможности развеять свое горе в развлечениях. Жанна оставила дочери заботу об уборке комнаты, в которой умер ее отец.

Если когда-нибудь Эжени будет твоей, – продолжал Дьявол, – и ты увидишь на ее груди подвешенный на шелковом шнурке маленький мешочек, то не вздумай, ревнуя к предыдущим ее возлюбленным, срывать его; он таит в себе маленький обрывок простыни, на котором загустела капелька крови Жерома, – единственное, что осталось у нее от отца, самая святая вещь, перед которой она преклоняется; даже я не способен осмеять или осквернить этот культ.

Меж тем тот горделивый ответ матери насчет куска хлеба вовсе не был пустым сотрясанием воздуха. Эжени вскоре после Жанны вышла, направилась к хозяйке мастерской, в кото-

⁷ ...секрет... расскажу. – Речь идет о тайне рождения Эжени. История найденышей часто встречалась в романах XVIII века. Приют для брошенных детей располагался в Париже на улице Нев-Нотр-Дам, в здании, построенном архитектором Бюффеном в 1748 году.

рой она работала, и попросила у нее сверхурочной работы. Совсем маленькая еще девочка, дни которой и так целиком уходили на работу, продав еще и свои ночи, вернулась домой и с полным правом заявила матери: «Я сама зарабатываю себе на жизнь!»

Очень скоро оказалось, что ей приходится зарабатывать не только для себя, но и для Жанны, которая когда-то бросила свое торговое ремесло, уступив уговорам Жерома; теперь же ее место было занято, нравы и привычки в то стремительное время успели измениться, и потому ей никак не удавалось возобновить дававшее прежде какой-то доход дело. Не думай, однако, что Эжени распоряжалась сама заработанными с таким трудом деньгами – всю зарплату она без остатка отдавала матери, которая ежеутренне, отрезав ей на завтрак кусок хлеба, выделяла дочери одно су и сухо роняла: «Иди работай». Только не смейся, господин, не смейся, ты, спесивый обладатель миллионов! Не зарекайся от суммы, вскоре и ты можешь познать цену одного су! Одно су на развлечения – ничто, одно су на жизнь – это целое сокровище.

Каждый вечер бедное дитя, почти всегда приходя домой первой, готовила скромный ужин и накрывала стол на двоих, а после ужина опять принималась за работу и трудилась до утра при скудном свете свечи. Первые ночи были просто ужасными, поверь: ей пришлось шить траурные платья для себя и для матери.

Однако это обстоятельство сыграло немалую роль, и вот почему. Впервые она располагала тканью, предназначенной для нее самой, и ее инстинктивная ненависть к уродливым формам проявилась в том, что, пользуясь полной свободой, она придала своему вроде бы неприятному платью модный и крайне изысканный фасон. Не думай, однако, что сделала она это необдуманно, в порыве слепого тщеславия: она прекрасно понимала, что рядом с Жанной, одетой в строгий наряд, будет выглядеть вызывающе, предвидела, что ей предстоит порка, и ей действительно досталось от матушки, но зато она похорошела на глазах. Вокруг нее шептались, что она, кажись, не создана для того, чтобы всю жизнь прокуковать в простых ремесленницах. В свой костюм она вдохнула всю красоту собственной души и тем была счастлива.

– Ага! – хмыкнул Луицци. – Теперь я понимаю, почему ты так возлюбил эту женщину. Ее гордыня просто поразительна, и это притом, что она пала так низко...

– Гордость не может пасть слишком низко, милый ты мой барон. Только тщеславие, как бы высоко оно ни забралось, так и норовит сползти в выгребную яму.

Луицци, молча проглотив оскорбление, махнул нечистому рукой, предлагая рассказывать дальше. И Сатана продолжал.

Глава II

Бедная девушка

– Кажется, я уже говорил, барон, что детство Эжени закончилось, она стала взрослой. А теперь позволь мне вкратце обрисовать, что такое жизнь девушки ее сословия. Конечно, это работа, работа и еще раз работа, но это и свобода. В шесть часов утра Жанна и Эжени выходили из дома; матери, типичной женщине из народа, по-прежнему суровой и грубой, но по-прежнему честной и работающей, худо или бедно, но удавалось иногда хоть немного подрабатывать; дочка же, просыпаясь на ходу, тащиась в ателье, черпая силы лишь в той самой гордыне, которая тебе так не нравится. Поймешь ли ты, сколько добродетели в подобной целеустремленной жизни, не подвластной никаким внешним соблазнам, для которых всегда найдется время и место? Ибо, за недостатком благоразумия, барышни вашего круга растут под неусыпным надзором матерей, не говоря уж о всяческих чисто физических препятствиях, не оставляющих им времени на то, чтобы испытать странное желание побеседовать с кем-нибудь часок с глазу на глаз, да так, чтобы никто ничего не увидел и не услышал. Поймешь ли ты, каким глубоким убеждением должно быть это целомудрие – ведь нужно сопротивляться не только собственной свободе, но и всем мыслимым и немыслимым соблазнам, которые разворачиваются перед бедной девушкой на необъятном пространстве? Ибо когда вы, барон, обольщаете женщину своего круга, а вернее, когда она позволяет вам себя обольстить, вы не можете удивить ее райским великолепием той адской купели богатства и роскоши, в которой она купается и сама. Поэтому когда она теряет голову, то для нее нет другого извинения, кроме как жажда любви. Несчастные создания, оказываясь у входа в прекрасный сад, видят оком золотые плоды, и устоять перед таким искушением им ох как нелегко! Ваши женщины пускаются во все тяжкие от праздного существования во дворцах и прохладных рощах; бедные девушки тоже порой сбиваются с пути, но потому, что этот путь ломает им ноги, а непосильное бремя нищеты тянет их на самое дно⁸. Вы, сытые и разодетые, считаете себя богатыми и на юношеские надежды и грезы, но вот единственного истинного сокровища, которым может обладать человек, вам не хватает – здесь вы просто нищие, ибо смотрите вперед лишь на полшага, в то время как тем, у кого за душой ни гроша, есть о чем помечтать! Вовсе не в блестящих гостиных богачей создаются красивые легенды о прекрасном будущем, которыми так увлекается молодежь; знатная барышня в шикарных шелках – всего лишь добыча смутных желаний, а под скромным платьицем бедной труженицы в темной рабочей мастерской вынашиваются и пестуются самые великие и радужные чаяния и фантазии: здесь и прекрасные возлюбленные, и изысканные наряды, и утонченные улады, и самые неожиданные триумфы – словом, то, в чем заключается почти все счастье молодости – надежда на лучшее. Поймешь ли ты наконец, что если уж девушка, которой от природы дано не просто желание необыкновенной участи, а сознание ее жизненной необходимости, оказывается окруженной девушками из простонародья, то она к их достаточно вульгарным мечтаниям добавляет мечту об остроумных беседах, благородных занятиях, утонченных умственных упражнениях и творческих достижениях, и нужна некая сверхдобродетель, чтобы не купить все это ценой ошибки, которая для нее представляется единственно возможной дорогой к счастью. Я не имею в виду любовь, хозяин, хотя именно на ее счет вы относите сумасбродства ваших женщин, которые иначе не имели бы никакого оправдания.

⁸ ...тянет их на самое дно. – Это единственный фрагмент, в котором Ф. Сулье размышляет о положении девушек из бедных семей. В отличие от него, Массон, Сувестр и Э. Сю много пишут об этой проблеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.